

ВОСКРЕСЕНИЕ

Рубрику ведет Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА

Дорогие земляки! В этом выпуске нашей рубрики представлены материалы разноплановые. Мы продолжаем публиковать статью о населении Инстербурга председателя инстербургского "Общества древностей" Вальтера Грунерта; помещаем стихотворение Карлы Косте - дочери президента сельскохозяйственной палаты Восточной Пруссии Эрнста Брандеса, владевшего некогда поместьем Альтхоф (пос. Портовый) и красивейшим особняком на Герихтштрассе (здесь теперь располагается Черняховский детский

дом). Черняховск - Инстербург "со стороны", в восприятии гостя города, - тема эссе архангелогородца Михаила Опёнка, доктора философских наук, преподавателя Поморского государственного университета, участника Международной библиотечной философской школы, открывшейся в Доме книги в сентябре прошлого года и продолжившей свою работу этой осенью. Известный учёный размышляет над проблемой: "Что делать с культурным наследием, которое досталось волей истории? Как к нему относиться?" Этот вопрос в разные годы решался по-разному.

Остаётся актуальным для нас он и ныне. Свой ответ на него дают юные исследователи из историко-краеведческого клуба "Белый Ворон", созданного в Привольенской средней школе 5 лет тому назад: они это наследие изучают, по мере сил и возможностей берегут. Они чувствуют: там, где нет уважения к культуре "чужой", и "свою" чтят мало. Думается, их доклады, прочитанные на 2-й детско-юношеской историко-краеведческой конференции в Привольном 5 ноября этого года, достойны публикации. С содержанием одной из работ мы знакомим вас сегодня.

Нора Газарян • Привольное

Хутора над Инстером

Доклад на 2-й детско-юношеской историко-краеведческой конференции

Хутор - обособленный участок с усадьбой владельца. Среднее расстояние от одного хутора до другого - 3 км.

В этой работе речь пойдет только о тех хуторах, которые располагались на берегах реки Инстер по линии Инстербург - Зеельякен (Придорожное) и ныне исчезли с карт района. Большинство хуторов изначально были литовскими, о чем говорят их названия и структура. Литовский хутор обычно состоял из ряда небольших строений: летнего домика, зимнего дома с холодными сенями и общей комнатой, барака для батраков, хозяйственных построек. Дом почти всегда делал в виде сруба с дощатым фронтоном и соломенной крышей, а позднее внешние стены выкладывались из местного кирпича, а внутренние стены состояли из щепы, которую обильно обмазывали глиной. В середине XVIII века на немецкий манер крышу жилого дома стали покрывать черепицей. Нередко рядом с домом владельца стояли дома его взрослых детей. Колодец обычно был вынесен за пределы усадьбы.

Характерной особенностью немецкой усадьбы были факхверковые постройки. Жилой дом чаще всего возводился на крупных валунах, глиняные стены заменялись кирпичными, а крышу покрывала добротная черепица. Часто второй этаж дома представлял собой высокую факхверковую мансарду. Другой отличительной чертой являлось то, что хозяйственные постройки были так же добротно сделаны, как и жилой дом. Устроены канализация и дренажная система. Двор обычно выложен булыжником. Во дворе усадьбы всегда находились два колодца: более глубокий, питьевой, и хозяйственный. Рядом с хуторами

располагались кладбище. С правой стороны Инстера кладбище в основном насыпные, из песка. Похожими на немецкие усадьбы были швейцарские и австрийские.

Существовали и такие хутора, принадлежность которых к одному из типов трудно установить из-за частой смены хозяев. Порой литовский хутор переходил в руки немцам и наоборот.

Если бы мы отправились в начале XX века по отлично уложенной булыжной дороге от поселка Шприндт (пригород Черняховска) до Пелленингена (пос. Загорское), то буквально через пару километров попали бы на хутор Абшутен (ныне Ботаническое). В орденовский период здесь находилась небольшая сторожевая крепость, перед которой был насыпан земляной вал. Спускаемся к реке Инстер и продолжаем свой путь по ее левому берегу через лес Штатсфорст. С правой стороны высятся гряды, состоящая из плотно расположенных холмов, которые густо покрыты деревьями. Хутора вдоль Инстера располагались либо на самом холме, либо между холмами, либо на склоне, но всегда у ручья. В шести километрах от Инстербурга на месте древнего прусского городища находился довольно большой литовский хутор Трахис, который состоял из 6 жилых домов. Ещё через два километра располагались два швейцарских хутора: Гросс- и Кляйн-Медукаллен. В Гросс-Медукаллене были две огромные конюшни, а в Кляйн-Медукаллене - кузница. Сам господский дом стоял на вершине холма между этими хуторами. За ним у леса располагались хутор и лесничество Ляугаллен, где в XIX веке был найден каменный топор. Между хуторами была построена ветряная мельница, руины ко-

торой можно видеть и сегодня в районе пос. Яснопольское.

Оставляем справа Пелленинген (пос. Загорское) и по мосту переправляемся на правый берег реки. Сразу на повороте ранее находилось рыцарское немецкое имение Куррайтен (в советское время - Шушенское, перестало существовать в начале 90-х годов): две крупные усадьбы, просторные конюшни и коровники, глубокие погреба для вина и пива, собственная маслобойня и множество мелких барачков.

По дороге Инстербург - Краупишкен (Ульяново) направляемся в сторону города. С правой стороны на холме у леса - хутора Нойнишкенского реформистского прихода. Плотность хуторов впечатляет. Иногда ворота одной усадьбы упираются в ворота другой. Здесь располагался хутора Пессельн, Штриггеннен, Аукскалленен, Камжарден, Кампучен, Эжергаллен, Блюменталь и др. На маленькой площади насчитывается более 50 хуторских хозяйств, некоторые из них уже в начале XVII века теряют собственное название.

Сразу за Нойнишкеном (пос. Привольное) существовал не хутор, а целое поселение Штаблякен (после 1938 г. Бергенталь). На холме была построена большая ветряная мельница. Все поселение было огорожено 2-метровым каменным валом, который защищал население от наводнения. Такой же вал можно увидеть рядом на хуторе Герляуцен (Трудовое). Это единственный хутор, который полностью находится на заливных лугах поймы Инстера, - если бы не вал, он каждую весну уходил бы под воду.

Почему исчезли хутора? Одни были разрушены во время зимних боев 1945 года (такие, как Молен и Эжергаллен), другие разобраны "на кирпичи" в первые послевоенные годы (например, Штриггеннен, Пессельн), третьи пострадали от укрупнения колхозов и совхозов (Медукаллен, Штаблякен, Кампучен), четвертые исчезли в современный период (Куррайтен стал нежилым, Розенталь теперь - территория карьера).

Итог судеб всех хуторов над Инстером, к сожалению, один - разрушение и забвение.

Михаил Опёнков • Архангельск

МЕТАФИЗИКА ИНСТЕРБУРГА

Метрополис, Мировой Город, внушил нам мысль, что ничего в жизни не бывает даром, за всё надо платить. Кое-что может вернуться в качестве сдачи, если мегаполис сочтёт, что мы ему переплатили. Однако неожиданные находки случаются крайне редко, в качестве исключения. Мировой Город скуп. Скитаясь в его лабиринтах, мы всюду получаем одно и то же: временное пристанище, разовую посуду, быстрое питание.

Островами внутри Метрополиса существуют города, предавшие своё наследие. Оно выставлено в качестве экспонатов кунсткамеры, подобно заспиртованной лягушке или телёнку о двух головах. Оно бесстыдно продается, ибо ничего другого не осталось на продажу.

Есть города, лишённые гордости, по-настоящему никакие. Прошлое здесь не имеет значения для жителей. Равновесие порядка и хаоса, добра и зла достигло крайнего предела.

Наступило культурное схлопывание, коллапс. Такие города утратили дар речи, им нечего сказать, кроме бессмысленного мычания. Они современные, потому что манихейские, уравнивающие в правах добро и зло. Метрополис смотрит на них с удовольствием и одобрением, слегка жура за провинциальность.

Такие города - глубокие пессимисты, а их жители не знают радости.

Но есть города совсем другие, противостоящие Метрополису. Они следуют логике *потлача*, избыточного дара. Они вручают нам всё своё достоинство, ничего не требуя взамен.

Никто не упрекнёт нас за нашу бедность. И всё же дар обязывает к многому. Дары города являются внезапно, смысл их открывается не сразу.

Вальтер Грунерт • Перевод с немецкого Любови Климовой

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА ИНСТЕРБУРГА И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Продолжение. Начало в №№95, 103 от 9.09, 7.10

Кристоф Пауцус - уроженец Фридрихсфелда, Вайсель родом из Шиппенбайля, а Билвиус - из Штендаля. Первый директор школы Якоб Петри являлся уже местным уроженцем. Один из заместителей директора школы оставил свой пост и стал впоследствии членом городского совета. Он - его имя Георг Нойманн - приобрел в городе наследственное владение, причем у него появился шанс получить, в отличие от скудного учительского заработка, приличные доходы. Помимо некоторых других такой же шаг затем совершил и Генрих Занден из Кёнигсберга и превратился из кантора в члена городского совета и городского казначея. Как отец будущего епископа фон Зандена и других детей, он был основателем инстербургского семейства, процветающего поныне. Многие знают прекрасные книги о птицах, написанные фон Занденом из Гуйи, сделавшим тем самым честь нашей родине. Архипресвитер (или суперинтендант, как мы теперь говорим) Себастьян Мюллер (Мёллер) родился в Шмалькальдене в Тюрингии, его преемник Мельхиор Беккер родом из Ландсберга. Его вдова вышла замуж за доктора медицины Пикерта в Инстербурге. От его сына Беккера берет свое начало род, насчитывающий подряд семь поколений приходских священников в Курляндии.

И наконец, кёнигсбержец Георг Штольц, директор школы в Инстербурге, отец будущего доктора медицины Георга Альбрехта Штольца, который стал врачом и бургомистром и руководил новым подъемом города после многолетней эпидемии чумы. Он сочетался браком - здесь я несколько забегаю вперед - с урожденной Мюльпфорт из многочисленного рода, перебравшегося из Цвикау в Саксонию через Йену в Восточную Пруссию. Еще одной струей немецкой крови являются Фогелеры, чей инстербургский прадед

Йоханнес поддерживал знакомство с поэтом Симоном Дахом и через многие поколения, через фамилии Вильке, Хассенштайн и другие, связан с уважаемым семейством Шулеманнов.

Здесь, пожалуй, следует упомянуть и Энхен из Тарау, которая, будучи вдовой Байльштайна, провела последние годы своей жизни в Инстербурге и умерла в 1689 году. Кровное родство

буржуазия, которая ревниво держала посторонних на расстоянии. На ремесленников и рабочий люд из предместий и ближайших окрестностей смотрели сверху вниз, так что лишь немногим удавалось приобрести бесприоритетное гражданское право. Только благодаря деньгам или жеманству можно было попасть в круг членов совета и суда, поэтому все старые семейства со-

лем Э.Т.А.Гофманом. Многие из ее потомков живы и по сей день. Энхен из Тарау обязана своей славой свадебной песне, которую, по мнению некоторых, ошибочно приписали Симону Даху. Так же удивительно, что и вдова Симона Даха, урожденная Поль, провела закат своей жизни в Инстербурге.

Мы видим множество пересечений кёнигсбергских университетских кругов с инстербургскими семьями. Художник Михель Цайгерманн, расписавший лютеранскую церковь, тоже тесно связан со священниками из округи, ставшими крестными отцами его детей.

Отдельные новые жители прибывали с востока и севера: из Кауена, где было сильно немецкое купечество, а также реформисты из Мемеля и Тильзита, часть которых носила английские имена.

Время Тридцатилетней войны (1618-1648 гг. - Прим. ред.), которое принесло Германии столько несчастий, было мирным для Восточной Пруссии; для Инстербурга оно явилось временем первого расцвета.

В ту пору господствовала крепко державшаяся за свои права

стояли между собой в родстве. И это приводило к таким странным ситуациям, когда молодые люди женились на старых вдовах, чтобы оказаться в наследниках, и только после скорой кончины первой супруги вступали в настоящий брак с молодой женщиной.

Титулам и почетным званиям придавалось большое значение, но и наиболее состоятельные люди жили довольно простой жизнью. Только по праздникам носили пышные одежды и позволяли себе полировать. Серебряники складывались в ящик, а потом в старости вместе со значительными пожертвованиями передавались на украшение церкви. Она была местом общих собраний и до наших дней хранила лучшие в городе произведения искусства. Каждый имел свое постоянное место, которое не отказывался занять никто другой. Не более 200 семей заполняли внушительное помещение. А церковь была строга: кто, например, опаздывал на венчание или крещение, тот платил большой штраф. **ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...**

* Бернхард фон Занден (Благородный) (1636-1703), епископ, профессор теологии, ректор Кёнигсбергского университета. Родился в Инстербурге в семье Генриха фон Зандена, регента латинской школы, члена Инстербургского муниципалитета. Его матерью была дочь пастора Матиса Вальдека из Залау (ныне пос. Каменское). Зандены приехали в Восточную Пруссию из Тюрингии и принадлежали к числу кёнигсбергской аристократии.

После смерти придворного проповедника, профессора теологии, ректора Кёнигсбергского университета Христиана Дрейера (Christian Dreier, 1610-1688) Занден был удостоен этого высокого сана. В 1690 курфюрст передал ему руководство церквями всей Восточной Пруссии. В 1701, согласно королевскому решению, ему был присвоен титул епископа. На коронации первого "короля в Пруссии", Фридриха I, 18 января 1701 года он присутствовал как первое духовное лицо Пруссии. Умер в Кёнигсберге. (По статье: Эверт Б. Епископ из Инстербурга ("Insterburger Brief"), в переводе М.Терехиной.)

Карла Косте • Перевод с немецкого Виталия ЧУБАРОВА

Мерцает слабо при Луне
Равнина белая тумана.
В далёкой сказочной стране
Всё хорошо и нет обмана.

Там волшебство. Совёнок плачет:
"Не уходи, побудь со мной!"
Во сне неслышно всадник
скачет...
Там кто-то в белом и с косой...

Но лёгкий вздох ветерок
Разрушил вмиг иллюзий горы.
Куст бузины совсем продрог,
А под ногами - чьи-то норы!

И снова чудо: дамба в поле!
Мы, невзирая на Творца,
Наперекор всевышней воле
Мир улучшаем без конца.

А в небесах -
пространство-время
Расскёк росистый Млечный Путь.
В нём есть и тьма, и света
семья -
Его непостижима суть.

Блажен любой - и сын, и дочь,
В ком жив ещё святой огонь!
Блажен и я, шагнувший в ночь.
Не оступился, мой добрый конь...

Таков Инстербург.

Он настолько прочно врос в эту землю, что его корни, воистину живые, не в состоянии убить никакие исторические катаклизмы.

Особенно ясно это становится ночью, когда фасады домов проступают, как внезапно явившаяся мысль, в своей простоте и отчётливости. Этим домам есть что сказать. Они ведут с нами тихую беседу, зовут к пониманию. Их послание дошло до меня. Они нашептали мне о метафизике Инстербурга.

Вот как я её понял:

- Не пытайтесь изменить этот ландшафт. Обезличивание подобно смерти, каждого из нас в первую очередь.

- Измените сами. Искусство встраивания делает вас иными, но таково подлинно человеческое, мужественное начинание. Если не можете здесь, поместите себе другое место. Мир велик.

- Прочувствуйте вашу органичность на этих ули-

цах, среди этих домов. Примите историю края, как свою собственную. Тогда вы обретёте настоящую родину, глубочайшие истины в их непотребности, доступ к подлинному бытию.

Лишь способность к культурному синтезу своего и чужого, дальнего и близкого делает из нас людей, способных обрести и сохранить достоинство, людей, обращённых в будущее, то есть имеющих таковое.

В длительных перелётах бывает так, что душа не поспевает за телом. Гонцу, странствующему проповеднику, бродячему философу известно чувство фундаментальной недостаточности, преследующее в пути. Всё происходит слишком быстро, а душа по природе нетороплива.

Видения, сны и приметы свидетельствуют о том, что в Инстербурге, наоборот, тела достигают своих душ.

Так произошло со мной. Словно я всю жизнь двигался по сложной кривой вокруг некоего центра и в мгновение ока достиг его.

Полнота присутствия - исключительно щедрый дар Инстербурга.